

О ЧЕМ ЗНАЮТ НЕ ТОЛЬКО ЭКОНОМИСТЫ

Предлагаемый вниманию читателей материал - попытка продолжить разговор на темы, поднятые в опубликованных в журнале статьях У. Баумоля "Чего *не* знал Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию" и А. Нестеренко "О чем *не* сказал Уильям Баумоль: вклад XX столетия в философию экономической деятельности"^{*}, особенно во второй из них. Думаю, что конструктивная разработка вопросов, поднятых или хотя бы затронутых в последней работе А. Нестеренко, будет лучшим способом отдать дань его памяти.

"Островной" и "континентальный" подходы

О необходимости различения так называемых "островной" и "континентальной" техник мышления, философских подходов в истории Европы как минимум Нового времени давно и хорошо известно далеко не только экономистам, хотя и экономистам тоже. О сильном влиянии континентальных исследований (включая "Философию истории" Гегеля) на содержание "Принципов экономической науки" писал и А. Маршалл, отметив при этом, что форма их изложения следует иной традиции¹. "Предельный анализ" - это анализ событий, изменений. Хотя у истоков "маржинальной революции" стояли представители разных культурных традиций, "родной" эта техника мышления стала в рамках "островной", или англосаксонской культуры научной мысли экономистов. Можно даже сказать: не только научной мысли и не только экономической. В юриспруденции это еще более заметно: "обычное право" как основа судопроизводства в Великобритании и США базируется на прецеденте, конкретном событии, в отличие от континентальной Европы, где в основе судопроизводства лежит система законов.

Среди общеизвестных особенностей "островного" подхода: приоритет эмпирических данных над умозрительными схемами (И. Ньютон: "Гипотез не измышляю"), практика как критерий ценности (а не истинности) научной конструкции, фрагментарность исследований, *объяснение* и *предсказание* (опять-таки, событий) как основные функции науки. Все они присутствуют и в обзоре У. Баумоля, директора Центра *прикладной* экономической теории Нью-Йоркского университета.

Даже отталкиваясь от квазисобытия, каким является смена веков, он постарался сразу перейти к реальным событиям, в качестве которых избрал публикации учебников по экономике для *не экономистов*. С нескрываемой завистью мы узнали из его обзора² об уровне экономической грамотности неэкономистов в США, которая, похоже, выше таковой у экономистов в нашей стране (включая, пожалуй, и некоторых действительных членов РАН), если судить, например, по широте их знакомства с "правилом ценообразования Рамсея" для фирм, обладающих контролем над рынком ("second best"). Между тем в России доля таких фирм, по-видимому, не меньше, чем в США, и вряд ли можно игнорировать открытие, сделанное Ф. Рамсеем еще в 1927 г., только потому, что оно представляет собой часть "англосаксонского варианта" экономической теории.

Кроме того, если продолжить сравнительный анализ в духе У. Баумоля, обратив внимание на то, по каким учебникам учатся *экономисты*, придется, хотим мы того или не хотим, сделать вывод, что не только на вводимом, но и на так называемом промежуточном

* Баумоль У. Чего *не* знал Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию. - Вопросы экономики, 2001, № 2; Нестеренко А. О чем *не* сказал Уильям Баумоль: вклад XX столетия в философию экономической деятельности. - Вопросы экономики, 2001, № 7 (далее по тексту ссылки на эти статьи - в скобках)

¹ ¹ "Следуя учению Курно и в меньшей степени фон Тюнена, я стал придавать большое значение тому факту, что наши представления о природе... относятся не только к совокупности количеств, сколько к *приростам* количеств" (Маршалл А. Принципы экономической науки. М., 1993, т. I, с. 49, курсив мой, - Л.Г.).

² "Меня поразило, что среди служащих многих регулирующих органов США и других стран, с которыми мне пришлось сотрудничать в середине 1970-х годов, я почти ни разу не встретил чиновника, не знакомого с "правилом ценообразования Рамсея"; каждый из них был твердо уверен в применимости этого правила. Я мог бы процитировать решения судов и регулирующих инстанций, в которых это правило играет важную и явную роль. И это всего лишь один пример" (№ 2, с. 102).

уровне "островной", "англосаксонский вариант" в последние десятилетия стал доминировать и на европейском континенте. Джентльменский набор из микро-, макроэкономики и эконометрики представляет собой фундамент профессиональной подготовки экономистов практически во всем мире. Национальная специфика проявляется на более продвинутых стадиях подготовки профессионалов, когда процесс обучения начинает тесно переплетаться с прикладными исследованиями данных, имеющих так или иначе "страновое" происхождение.

Тем, кто в российских вузах задумывается над вопросом: стоит ли продолжать всех обучать экономике, если эта дисциплина перестала быть обязательной в цикле общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин в рамках второго поколения стандартов, есть смысл учесть свидетельства У. Баумоля об увеличении числа выпускников экономических факультетов и еще большем увеличении числа неэкономистов, изучавших в студенческие годы экономическую теорию. Причем речь идет именно об "англосаксонской" теории, прикладная ценность которой и делает ее интересной не только экономистам. Перефразируя известную мысль К. Маркса (исторические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, с помощью каких средств), можно сказать, что "технический инструмент анализа и прикладной деятельности", каковыми являются "предельные категории", это как раз то, что отличает массовую экономическую науку XX в. от предшествующей эпохи.

Принципиальная опора на наблюдаемые данные, свойственная "островному" подходу, породила вместе с выходом на практические рекомендации в XX в. массовый спрос на сбор первичных данных о ценах, количественных характеристиках потоков и запасов благ, причем как со стороны государственных органов власти, как это было всегда в экономической истории, так и хозяйствующих субъектов. Это не только приблизило экономическую теорию к физике как традиционному образцу науки, но и позволило понять смысл и величину трансакционных издержек, то есть издержек координации хозяйственных решений, причем не только в рыночной, но и командной экономике.

Вполне соответствует общей "островной" направленности мышления У. Баумоля и довольно сдержанная оценка им вклада XX в. в теорию общего рыночного равновесия, впервые сформулированную Л. Вальрасом, если так можно выразиться, "континенталистом". Здесь и упоминание об элементарности математической подготовки ее автора, и о недостижимости единственного равновесного решения, что, по мнению У. Баумоля, и было предметом соответствующих исследований прошлого века (№ 2, с. 87-88).

Влияние этой теории на работу В. Леонтьева по анализу межотраслевых связей, крайне высоко оцененную автором обзора, к сожалению, проигнорировано. Возможно, причиной этого стало то, что сам В. Леонтьев не заявлял о таком влиянии, по крайней мере, в разговорах с У. Баумолем. Был назван лишь Л. Борткевич в ряду: Кенэ - Маркс - Борткевич - Леонтьев. Между тем есть еще один ряд: Валь-рас - Дмитриев - Леонтьев. К сожалению, на русском языке работа В. Дмитриева "Экономические очерки" не переиздавалась с 1904 г.³ Тем не менее она издавалась на европейских языках, а ее автор среди всего нескольких наших соотечественников представлен в справочнике "Кто есть кто в экономической теории. Биографический словарь ведущих экономистов. 1700-1986"⁴. С "Экономическими очерками" Дмитриева очень хорошо был знаком Борткевич, ставший впоследствии научным руководителем В. Леонтьева. Математическая идентичность алгебраического аппарата, применявшегося Дмитриевым и Леонтьевым, была доказана около 40 лет назад⁵.

Любопытно, хотя и не бесспорно соображение У. Баумоля, касающееся оценки роли

³ В этом году она издана в ГУ-ВШЭ по инициативе Г. Сорвиной и с большой комментаторской и редакционной работой П. Клюкина (Дмитриев В. Экономические очерки. М.: ГУ-ВШЭ, 2001).

⁴ Who's Who in Economics. A Biographical Dictionary of Major Economists. 1700- 1986. Ed. by M. Blaug. Brighton, 1987, p. 348.

⁵ Белкин В. Национальный доход и межотраслевой баланс. В кн.: Применение математики и электронной техники в планировании. Под ред. А. Аганбегяна и В. Белкина. М., 1961, с.28; Nove A., Zauberman A. A Resurrected Russian Economist of 1900. - Soviet Studies, 1961, July; Zauberman A. Few Remarks on a Discovery in Soviet Economics. - Bulletin of the Oxford Institute of Economics and Statistics, 1962.

теории игр как средства избавления от исключительной зависимости от формального математического аппарата физики (№ 2, с. 90-91). Интересны здесь как признание наличия подобной зависимости, так и некоторый элемент негативности этого факта. Вообще-то практически ориентированному ученому должно быть безразлично, кто и зачем придумал инструменты, которые могут с успехом применяться и им самим. Здесь, возможно, сказывается комплекс неполноценности, вызываемый упреками "кон-тиненталистов" в адрес "островитян" в недостаточной научности их теоретических построений. По-видимому, более респектабельным было бы, если бы экономическая теория обзавелась собственным математическим инструментарием.

Возможно, так оно и есть. Пикантность позиции У. Баумоля мне видится в том, что названные им революционными изменения в математическом аппарате, связанные с теорией игр, в частности, математическое программирование, теория двойственности, не выходят за рамки инструментария, имеющего физическое происхождение. Функция Лагранжа для случая многих переменных и здесь остается основным инструментом. Что же касается игры трех участников, то у нее практически такой же уровень сложности, как у задачи взаимодействия трех тел в небесной механике, которая не имеет "общего решения".

Среди особенностей "*континентального*" подхода в науке можно назвать стремление к построению системы категорий, отличающихся непротиворечивостью и полнотой. "Нельзя брать за решение частных вопросов, не решив предварительно общих", - под этими словами, известными всем представителям старшего поколения ученых, да и не только ученых в нашей стране, по-видимому, мог бы подписаться каждый "континенталист". Любые эмпирические наблюдения возможны только на основе определенной, априорной по отношению к ним теоретической системы. С этим положением "континенталистов" не будет спорить и "островитянин", хотя последний готов удовлетвориться наличием и самой простой, даже фрагментарной системы, представляющей собой явное описание позиции здравого смысла, который он очень уважает в отличие от "континенталиста", склонного не доверять здравому смыслу, поскольку он может и обмануть в ситуации, когда ошибка обойдется слишком дорого. "Континенталист" старается в первую очередь понять ситуацию: систему конкретных вещей, свойств, отношений, и только на основе *понимания* приниматься за объяснения и предсказания каких-то событий, конструирование (проектирование) еще не существующих вещей, систем⁶.

Обзор А. Нестеренко носит ярко выраженный "континентальный" характер, что подчеркнуто уже в названии. Автор говорит не об экономике, а о философии, пусть даже философии экономической деятельности. Термин "философия" и в дальнейшем появляется чуть ли не на каждой странице обзора (см., например: "как показал крупнейший экономический философ XX в. Ф. Хайек" (№ 7, с. 14), "Новый старый институционализм" пытается найти для себя глубокие философские основания (полтора столетия назад экономическая теория Маркса выросла из его философии) (№ 7, с. 12).

Сквозным, хотя и не в полной мере проработанным, является в данном обзоре сюжет, связанный с "субъект-объектными отношениями". Эта проблематика имеет далеко не только экономический характер. Не менее основательно она укоренена в праве. В европейской философской мысли это также одна из традиционных тем для размышлений на протяжении многих веков. Синтетической является концепция технологических стилей, изучающая тесную взаимозависимость между производственно-технологической системой и институционально-культурной средой, соединение с которой собственно экономических исследований А. Нестеренко назвал одним из перспективных направлений. Наконец, информация и все, что с ней связано, - это также тема далеко не только экономических научных исследований. А. Нестеренко предсказывает, что "в XXI веке мир получит принципиально новую экономическую теорию, которая будет адекватна новой информационной цивилизации" (№7, с. 17), правда, с оговоркой, что сначала "новая цивилизация должна обрести отчетливые и

⁶ Мне уже приходилось высказываться на страницах "Вопросов экономики" по поводу "островного" и "континентального" подходов, соотнося их с кочевническим и оседлым образом жизни (Гребнев Л. Между историей и наукой: к анализу проблемы причинности в экономике. - Вопросы экономики, № 4, 1994; Гребнев Л. Между Востоком и Западом? (О книге Е.Гайдара. "Государство и эволюция"). - Вопросы экономики, 1996, № 3).

устойчивые формы".

"Метакультурный" подход

Одной из особенностей российской ментальности является стремление к синтезу. Например, "Экономические очерки" В. Дмитриева имеют подзаголовок "Опыт органического синтеза трудовой теории ценности и теории предельной полезности"⁷. Инерция мышления подсказывает в качестве темы дальнейших рассуждений проблему синтеза "островного" и "континентального" в нечто вроде "метакультурного" подхода, тем более что так назван и данный подраздел. Представляется, однако, что синтез - далеко не единственная форма соединения разнородного "материала". Например, кочевой и оседлый образы жизни, хозяйствования уже не одну тысячу лет сосуществуют, часто переплетаясь в жизни конкретных народов, образуя различные "симбиозы", но так и не перейдя в "органический синтез". По-видимому, в науке тоже не избежать тех или иных форм симбиоза между "островным" и "континентальным" подходами. Выше уже отмечалось, что даже работа с эмпирической информацией (начиная с процесса наблюдения) предполагает наличие априорной теоретической модели, некое общее "видение" ситуации. Можно к этому добавить, что практическая нацеленность "островного" подхода не может обойтись без выхода за рамки фрагментарного анализа, без междисциплинарного синтеза, если речь идет о действительно важных рекомендациях. Ведь жизнь не ограничивается рамками сфер деятельности ученых. Хороший ученый далеко не всегда может дать хороший совет. Часто он и не пытается это сделать иначе, как с большими оговорками⁸.

О "континентальном" подходе, в свою очередь, тоже можно сказать, что крайне трудно представить, как его применять "в чистом виде". Стремление к полноте охвата предмета изучения имеет пределы, связанные с ограниченностью как накопленных к каждому моменту знаний, так и способности их осмысления. Отсюда неизбежна угроза фрагментарности, неполноты даже самой продуманной, комплексной теоретической системы⁹.

Последнее, но не по значимости: "островной" и "континентальный" подходы в науке соприкасаются с разными ее границами: первый - со *здравым смыслом* ("земная правда"), а второй - с *верой* ("высшая правда").

"Субъект-объектные отношения"

Из двух названных тем (определенных согласно терминологии А. Нестеренко) одну - "субъект-объектные отношения" представляется уместным рассмотреть в рамках "континентального" подхода, а вторую - "технологические стили" - в рамках "островного", во многом опираясь на здравый смысл и общую эрудицию в пределах обычной вузовской подготовки.

О "континентальноеTM" применяемой техники мышления, когда мы говорим о главном (точнее, необходимом) свойстве субъектности, свидетельствует выход за рамки "событийной" причинно-следственной связи. Это свойство полностью игнорируется, когда в рамках "основного течения" анализируются, например, эффект дохода и эффект замещения как составляющие части реакции агента на изменение цены на отдельное благо. Это не упрек, а констатация факта. Не все действия человека в хозяйствовании есть проявление его субъектности. Можно сказать, что здесь рассматриваются "объектные" стороны человека, его зависимость от вещного окружения.

Вообще-то человек всегда хочет, чтобы его замыслы реализовывались в полной мере,

⁷ Дмитриев В. Экономические очерки. (Серия 1-я: Опыт органического синтеза трудовой теории ценности и теории предельной полезности). М. : В. Рихтер, 1904.

⁸ Об этом писал в своем обзоре и У. Баумоль: "Метод свехупрощения, который сделал реальными такие успехи макроэкономики, требует наивысшей осторожности, когда речь заходит о том, чтобы полагаться на ее выводы и использовать их на практике" (№ 2, с. 81).

⁹ Эту проблему прекрасно видел Ф. Энгельс, когда отмечал, что материализм должен менять вид с каждым крупным открытием в науке. Поскольку материализм как оформленная система представлений является типичной "континентальной" конструкцией, а научное открытие представляет собой событие, то есть основной элемент "островного" подхода, можно сказать, что "континентальный" подход зависит от "островного" не меньше, чем "островной" от "континентального".

чтобы приводимые им в движение вещи, "объекты" вполне подчинялись его воле. Иначе говоря, чтобы свойство спонтанности было присуще только ему. Можно сказать, что таков идеал "субъект-объектного отношения", с точки зрения типичного субъекта, человека.

Он желает полной определенности, подконтрольности внешней среды при сохранении свободы собственных решений, неопределенности, необусловленности прошлым своего собственного поведения в будущем. Но спонтанность - это необходимое (но не достаточное) условие субъектности, которое присутствует и в мире вещей, причем с разной степенью совершенства. (Под совершенством здесь понимается степень влияния спонтанного события на развитие ситуации, на дальнейшее существование предмета, претерпевающего спонтанное изменение.)

По-видимому, пределом несовершенства является случай самопроизвольного распада атома изотопа радиоактивного элемента, а пределом совершенства - ситуация, когда никакое спонтанное изменение не приносит никакого ущерба существованию того, что меняется. Эту "вещь" люди называют по разному - Вселенная, Мироздание, Бог..., но вряд ли в человеческом языке, обслуживающем главным образом предметно оформленные действия людей, существует адекватный термин для обозначения такой надпредметной реальности, "потусторонней" по отношению к миру обычных предметов, вещей.

В этих границах степень совершенства спонтанности может варьировать весьма значительно. Для нас, конечно, наибольший интерес представляют имеющаяся ситуация и возможные тенденции ее изменения у человека. Как биологическому виду человеку свойственна спонтанность, неподконтрольность как появления на свет новых членов человеческого рода, так и индивидуальных особенностей каждого из них. Во все времена человек пытался так или иначе взять под свой контроль процесс своего воспроизводства, но и сейчас демографические процессы остаются одной из глобальных проблем современности, фактором противодействия установлению и поддержанию равновесия воспроизводственных процессов в экономике.

Можно сказать, что с точки зрения использования этой формы спонтанности человек является вырожденным биологическим видом. Напомню общеизвестное: изменчивость индивидов за счет спонтанного процесса мутации генов представляет собой одну из основных форм приспособления биологических видов к изменениям среды их обитания, в том числе спонтанным¹⁰. Что же компенсирует или может компенсировать у человека отмирание этого важного средства выживания, самосохранения вида? Только спонтанность на уровне индивидов. Она имеется уже у простейших животных в виде способности к спонтанному, произвольному перемещению. Эта способность помогает выживанию индивидов за счет повышения вероятности встречи с "предметами потребления". Можно сказать, что привычная для экономистов связь между затратами и результатами начинает формироваться уже здесь¹¹.

Одна из ветвей биологической эволюции как раз и состояла в развитии спонтанной активности индивидов как средства их собственного выживания. Ее концом и стал "человеческий тупик", отмирание способности вида приспосабливаться к среде за счет обновления на уровне индивидов. Можно сказать, что выживание вида стало зависеть от индивидов, от того, в какой мере они способны использовать свою спонтанность не только для собственного выживания, но и для выживания вида. Биологическую ущербность человека как вида можно квалифицировать как появление внутренней несбалансированности, неравновесности в системе "вид-индивид", возникновение нового, дополнительного источника угроз существованию самой системы. Устранение этой угрозы за счет использования спонтанности индивида, компенсирующей неэффективность механизма мутации генов, можно тогда рассматривать как "смысл истории", по крайней мере, истории хозяйствования, ее эволюции.

Но биологическая эволюция человека к этому совершенно не готовила. Жизнь любого биологического индивида сама по себе, по сути, никак не связана с жизнью вида (и наоборот).

¹⁰ Поэтому внутреннюю, "встроенную" спонтанность генетических мутаций и связанную с ней неопределенность ("малую неопределенность") можно представить как своего рода средство защиты вида от опасностей, исходящих со стороны "внешней" спонтанности, "большой неопределенности".

¹¹ Об этом же выражения: "Волка ноги кормят", "Как потопаешь, так и полопаешь", "Каждому - по труду".

Его непосредственное воспроизводство - обмен веществ со средой - происходит как бы само собой, вне прямой связи с процессом образования новых индивидов. Более того, включение индивида в порождение себе подобных может наносить ущерб его собственному непосредственному существованию. В то же время исчезновение любого индивида (естественно, кроме "последнего") не имеет существенного значения для продолжения существования вида. Поэтому можно говорить о взаимном отчуждении существования индивидов и вида как разных уровней предметности одного и того же циклического процесса¹², а также об отчуждении существования разных общностей, в рамках которых существуют люди.

Первобытная родовая община - по сути, "коллективное животное", которому абсолютно нет дела ни до жизни других таких же образований (за исключением разве что обмена генетическим материалом), ни до жизни человеческого рода в целом. Отчуждение отсутствует только в рамках такой общины: поскольку существование индивида практически полностью определяется его принадлежностью к определенной общине, ему нет необходимости все внимание уделять обеспечению собственного существования. Наоборот, часть внимания можно и даже нужно уделять обеспечению существования общины.

Этот эффект (механизм) "сдвига сферы активности" наблюдается и сейчас. "Скажи, кто обеспечивает твое существование, и я скажу, чье существование тебя заботит". На этом эффекте основана лояльность налогоплательщиков в государствах с развитой системой социальных гарантий своим гражданам (да и не только гражданам, но и всем налогоплательщикам). Однако при этом продолжает сохраняться исходная ситуация отчуждения существования отдельных общностей от существования человеческого рода в целом. Только теперь в качестве "нижнего этажа" выступает не "коллективное животное" - кочевая кровнородственная община, а "коллективное растение" - современное государство с фиксированными пространственными границами¹³.

Утопической пока представляется ситуация, когда человек заботится о существовании человеческого рода, поскольку именно человеческий род в целом заботится о его собственном существовании. Тем не менее только она "сняла бы" отчуждение в существовании человека и означала бы ликвидацию форм координации, имеющих дочеловеческое происхождение. Вряд ли существуют "законы развития общества", которые с "железной необходимостью" вели бы к реализации этой утопии. Точно так же, по-видимому, нет аналогичных законов эволюции биологических видов, которые с необходимостью вели к появлению человека как вида.

Скорее, можно говорить о возможностях такого рода исходов, обусловленных как раз ненаправленностью каждого отдельного спонтанного изменения. В отличие от основного адаптивного инструмента биологической предметности - мутации генов в процессе порождения новых индивидов, основной адаптивный инструмент человеческой субстанции - поиск новых средств обеспечения существования самих индивидов. Среди них самым главным, как показывает история хозяйствования, является перенос вовне, на внешние предметы ("объекты") определенных свойств самого человека ("субъекта"). Имеются в виду свойства, помогающие обеспечивать существование в конкретной, исторически сложившейся ситуации, процесс переноса которых вовне экономисты, да и не только они, называют заменой живого труда овеществленным.

Новейшая хозяйственная история требует уточнения упоминавшейся формулы: "Исторические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, с помощью каких средств".

¹² Разумеется, это не является спецификой именно биологической реальности. Этот же феномен взаимного отчуждения существования, бытия разных уровней предметности можно констатировать для любого циклического самоподдерживающегося процесса. Например, для водоворота: постоянно сменяющиеся молекулы воды - на нижнем уровне, сам водоворот - на верхнем.

¹³ Показательна в этом отношении попытка США выйти из договора по противоракетной обороне после исчезновения СССР и создать национальную систему ПРО. Когда-то СССР пытался построить "социализм" в одной, отдельно взятой стране. Теперь, похоже, почти на те же грабли хотят наступить другие. Конечно, возможностей у них побольше, чем у России в 1917 г., а цель попроще. Тем не менее недостижимой представляется и она. Вероятно, с осознания невозможности обеспечить безопасность в одной, отдельно взятой стране и признания на деле безопасности как по-настоящему общественного блага ("Безопасность - одна на всех!") начнется качественно новый этап "обобществления жизни" человеческого рода.

Теперь, когда средства обновляются с довольно высокой скоростью, можно говорить так: "Эпохи различаются тем, насколько формы хозяйствования способствуют поиску новых средств и использованию наиболее эффективных среди них"¹⁴. Этот вывод, естественно, переводит наше внимание на тему "технологических стилей", которой и завершится данный материал.

"Технологические стили"

Термин "технологические стили" представляется синонимичным или почти синонимичным термину "технологические уклады". В работе А. Нестеренко нет прямых указаний на то, что конкретно имел в виду автор. Поскольку применительно к индустриальному обществу сейчас используется понятие "пятый технологический уклад", причем не только экономистами¹⁵, представляется возможным говорить о "технологических стилях" в более общем масштабе - "наиндустриальном".

Известны только два идеальных типа, в которые (либо в сочетании которых) легко "укладываются" все исторически существовавшие формы хозяйствования. Это - "натуральное хозяйство" и "рыночная экономика". В первом случае полное замыкание хозяйственных связей в рамках одного субъекта, каковы бы ни были его размеры (от совершенно обособленного хутора, как, например, "хозяйство Лыковых", ставшее предметом всеобщего внимания в нашей стране примерно в 80-х годах прошлого века после публикации В. Пескова "Таежный тупик", до царского некрополя времен древнеегипетских фараонов)¹⁶. Естественной "средой обитания" натурального хозяйства является традиционное (доиндустриальное, аграрное) общество, поскольку сельскохозяйственную продукцию, как правило, возить далеко хлопотно, да и незачем ("сами съедим").

Во втором случае все результаты хозяйствования проходят стадию смены собственника (возможно, не один раз) через куплю-продажу или аренду. Естественной "средой обитания" рыночной экономики является индустриальное общество: все для себя производить невозможно, да и незачем, проще купить¹⁷.

Третьего не дано? Да, не дано, если ограничиваться непосредственно существующими субъектами и их чисто пространственными связями. Ситуация меняется, если включить в рассмотрение временные связи, в том числе связи с уже или еще не существующими поколениями. Их интересы, на которые неизбежно влияют хозяйственные решения реально существующих субъектов, некому представить и учесть, кроме тех, кто живет и действует сейчас. Но если они захотят заниматься таким учетом, им придется заняться и координацией своих решений, последствия которых будут "пересекаться" на одних и тех же поколениях в будущем. Этот тип координации, как представляется, выходит за рамки обоих рассмотренных выше идеальных типов хозяйства - натурального и рыночного. По-видимому, только время, точнее, дальнейший ход хозяйственной эволюции в мировом масштабе позволит увидеть конкретные механизмы такой координации и сделать их предметом теоретического анализа.

¹⁴ Важность этого обстоятельства признается и в работе У. Баумоля: "Теория начинает признавать, что поразительные показатели роста капиталистической экономики должны объясняться поведением фирм и такими неотъемлемыми чертами процесса конкуренции, как использование исследований и разработок, а не цен в качестве действенного оружия" выбора... Я убежден, что это создаст возможность приблизить инновации к "ядру" микроэкономической теории вместо того, чтобы держать их где-то на периферии. Такое развитие теории... позволит преодолеть аномальный вывод теории благосостояния, будто рыночная экономика склонна приближаться к состоянию *статической* эффективности... и будто провалы рынка, обусловленные внешними эффектами, наносят серьезный ущерб экономическому *росту*" (№2, с. 84-85).

¹⁵ С. Глазьев, много потрудившийся над обобщением комплексного анализа технологических укладов индустриального общества (см. например: Глазьев С. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., 1993), после избрания в Государственную думу ввел его и в политический словарь.

¹⁶ Строго говоря, плановое хозяйство "социалистического общества" было специфической разновидностью именно натурального хозяйства, а не тем, что должно было бы придти на смену "рыночной экономике". Возможно, это не бросалось в глаза, пока это хозяйство продолжало функционировать или хотя бы создавать видимость этого, но сейчас такое утверждение - почти банальность.

¹⁷ Стандартный вопрос в микроэкономическом анализе поведения фирмы и рационального потребителя: "to do or to buy?" (сделать самому нужное благо в режиме "натурального хозяйства" или купить его на рынке) имеет, как правило, простой ответ: если существует развитый рынок этого блага, то проще купить, если нет, то проще сделать.

Натуральное хозяйство как идеальный тип полностью сохраняет ситуацию отчуждения от жизни человеческого рода и от других параллельно существующих хозяйств, а рыночная экономика представляет собой частичное снятие такого отчуждения за счет установления пространственных связей в самых широких масштабах, включая мир в целом. Однако хорошо известна цена этого: втягивание отчуждения в отношении субъекта к самому себе и к себе подобным - самоотчуждение. Это проявляется в том, что человек и к себе, и к другим субъектам, людям начинает относиться как к объектам, средствам достижения целей. Средства используются, потребляются, "уменьшаются", говоря словами А. Нестеренко¹⁸. Координация хозяйственных решений разных одновременно существующих экономических субъектов как средство учета интересов будущих поколений, на наш взгляд, может способствовать снятию отчуждения каждого из них от жизни человеческого рода и одновременно друг от друга.

В натуральном хозяйстве естественными *пространственными рамками хозяйственного решения* является место обитания соответствующего субъекта. Если этот субъект ведет оседлый образ жизни, то это место, как правило, имеет четкие границы, общие для смежных хозяйств. Если образ жизни - кочевой, то таким местом становятся традиционные пути миграции. В рыночной экономике какие-либо "априорные" пространственные рамки отсутствуют. Поскольку в реальной жизни эти два идеальных типа сосуществуют, пространственные характеристики хозяйственных решений могут обладать сложной конфигурацией. Особенно сложны они у транснациональных корпораций, однако и отечественным хозяйствующим субъектам, действующим только на территории России, приходится иметь дело с довольно неоднородным экономическим пространством в разных регионах страны (плюс оффшор как средство компенсации недоразвитости отечественной финансовой среды). Ничего конкретного пока нельзя сказать о пространственных рамках технологического стиля, соответствующего "координируемой экономике". По-видимому, они должны отсутствовать, как и для рыночной экономики.

Чуть более определенно можно уже сейчас сказать о *временных ориентирах* всех трех рассматриваемых типах хозяйств. Натуральное хозяйство в качестве основного временного ориентира имеет год, поскольку ведущая в нем отрасль - сельское хозяйство - характеризуется именно годовым технологическим циклом производства¹⁹. В рыночной экономике внимание хозяйствующих субъектов сдвинуто на эффективное использование реального капитала, особенно основного. В зависимости от срока службы основного активного элемента конкретного технологического процесса это может быть три, пять, десять и более лет²⁰. В "координируемой экономике" вряд ли можно установить какие-либо предельные временные ориентиры. В принципе, чем больше, тем лучше. Все зависит от объемов накопленных знаний о материальных процессах, происходящих вокруг человека (в так называемых "первой" и "второй природе"), а также от технических возможностей контролировать и прогнозировать текущие и отдаленные во времени последствия принимаемых решений²¹.

Основным инструментом *согласования решений во времени* в натуральном хозяйстве являются материальные балансы потоков и запасов отдельных благ (что получили "по итогам

¹⁸ "Приращение материального богатства у экономического субъекта предполагает уменьшение богатства делового партнера, наемного работника, общества или природы" (№7, с. 6).

¹⁹ Точнее, плюс-минус один год, поскольку в текущем году приходится иметь дело с результатами решений, принятых в предыдущем году, а результаты принимаемых сейчас решений будут получены и использованы только в следующем году.

²⁰ Строго говоря, атавизм годового ориентира сохраняется и в рыночной экономике, поскольку макроэкономические показатели (ВВП, инфляция, а также процент) определяются в "годовом исчислении".

²¹ Ни для кого не секрет, что наше "социалистическое" плановое хозяйство функционировало с жесткой ориентацией на годовой горизонт решений. Именно за выполнение годового "плана по валу" можно было получить поощрение, а за его невыполнение - взыскание. Появилась эта ориентация в период, когда ничего другого и не могло быть в стране, где основная часть населения жила в деревнях и занималась сельским хозяйством. Можно назвать это чем-то вроде "институциональной ловушки", поскольку даже после решения в основном технических проблем индустриализации никуда от годового режима планирования уйти не удалось. Зарубежным "фирмам" крайне трудно было вести переговоры о возможном перспективном сотрудничестве не только с представителями предприятий, но и с работниками министерств и даже Госплана СССР.

года", то и распределяем на очередной год). Именно они и стали основой системы планирования в масштабе народного хозяйства в нашей стране, выдавая тем самым реальное существо, тип хозяйствования. Можно даже сказать, что именно система плановых балансов, поневоле привязанных к единым, унифицированным моментам времени, стала средством разобщения, а не объединения реальных хозяйствующих субъектов. Ведь реальные связи таких субъектов (например, в рамках последовательных стадий преобразования предметов природы в предметы конечного потребления) существуют в реальном времени, а плановые задания и выделяемые "под задания" ресурсы, "фонды" всегда привязаны к институциональному, условному времени. И главное - выполнить план, а не "обязательство по поставке"²².

В рыночной экономике уже давно применяется метод дисконтирования, то есть приведения разновременных потоков и запасов благ к единому моменту времени, как правило, к моменту принятия решения, "настоящему времени". При этом один и тот же коэффициент дисконтирования применяется и к затратам, и к результатам, а затраты, в свою очередь, не разделяются на текущие и единовременные, поскольку нет никаких теоретических оснований для дифференциации между ними этого коэффициента. Проблему может создавать только определение нормы дисконтирования (или коэффициента изменчивости благ в единицу времени). В качестве таковой обычно берется ставка процента по надежным, безрисковым ценным бумагам²³.

А как будет происходить согласование во времени в рамках "координируемой экономики"? Возможно, для потоков и запасов благ, учитываемых при согласовании решений в натуральной форме, будут применяться коэффициенты, отражающие их естественные изменения во времени (типа "усушки"). Не исключено также, что каким-то образом будет определяться и учитываться общий темп повышения отдачи ресурсов во времени за счет инноваций. Вряд ли стоит сейчас гадать на эту тему.

Что касается *оценки последствий* выполнения хозяйственных решений, то, казалось бы, здесь классифицировать нечего: сначала выполнение решений, потом анализ полученных результатов (*ex post*). Так это делается всегда и везде. Наличие рядом столбцов (или строк) "план" и "факт" (можно их называть как угодно) - неременный элемент мониторинга каждым грамотным хозяйствующим субъектом текущей ситуации, основа для принятия дальнейших решений. Тем не менее само присутствие "планируемых результатов" уже есть элемент опережающей, хотя и предварительной, оценки последствий принимаемых решений (*ex ante*). Поэтому, как представляется, имеет смысл учитывать, в какой "пропорции" в хозяйствах разных типов смешаны запаздывающие и опережающие оценки.

Видимо, традиционное натуральное хозяйство не располагает развитыми возможностями проводить опережающую оценку хозяйственных решений. Доводом в пользу такого суждения является уже само название "традиционное", которым подчеркивается стремление жить именно "по традициям", "по заветам отцов", неприятие новых решений. Все новое чревато опасностями ("как бы чего не вышло"). Сами же традиции в части хозяйствования

²² Об этой эпохе напоминают сейчас авралы в бухгалтериях по завершении кварталов, полугодия и года. А что тогда творилось "до конца квартала", а тем более года!

²³ Строго говоря, в плановой экономике также можно найти попытки использования метода дисконтирования. Например, в "Методических указаниях к разработке государственных планов развития народного хозяйства СССР" (М.: Экономика, 1974, с. 291) использование этого метода предусмотрено в следующем виде: "Если по сравнимым вариантам капитальные вложения осуществляются в разные сроки, а текущие затраты изменяются во времени (?? - Л.Г.), то сравнение вариантов следует производить с учетом приведения единовременных затрат (?? - Л.Г.) более поздних лет к текущему моменту путем применения коэффициента приведения, исчисляемого по выражению $B = 1/(1 + E_{ин})^t$, где B - коэффициент приведения; t - период времени в годах; $E_{ка}$ - норматив для приведения разновременных затрат, равный 0,08 (??? - Л.Г.)". Уже это положение, как представляется, можно не комментировать (особенно умиляет коэффициент 0,08). Но это еще не все. Капитальные вложения "текущего момента" предписывается привести к текущим затратам для получения "приведенных затрат", минимум которых и является показателем сравнительной экономической эффективности капитальных вложений. "Приведенные затраты по каждому варианту представляют собой сумму текущих затрат (себестоимости) и капитальных вложений, приведенных к одинаковой размерности в соответствии с нормативом эффективности: $C_t + E_{ин}K_t = \min$, где $E_{ин}$ - нормативный коэффициент эффективности капитальных вложений" (там же). Вряд ли такие "методические указания" могут заслуживать хотя бы удовлетворительной оценки.

являются "запасом" ранее принятых и выполненных решений, последствия которых оказались приемлемыми. "Поток" новых решений в традиционном обществе представляют собой довольно тоненький "ручеек" (чем тоньше, тем лучше, надежнее).

Рыночная экономика в этом отношении - большой шаг вперед. Сама необходимость рассчитывать эффективность вложений в основной капитал на пять-десять лет вперед, причем часто речь идет о новой, ранее не использовавшейся технике, заставляет предпринимать попытки "просчитать все заранее", составить грамотный бизнес-план. Кроме таких "внутрихозяйственных", "субъект-объектных" обстоятельств есть и "межхозяйственные", "субъект-субъектные". Прежде всего речь идет об отношениях арендного типа, связывающих двух или более субъектов в реальном времени: собственно аренда, например, недвижимости, кредитование в денежной и товарной форме, долгосрочные трудовые соглашения, лизинг... В этом случае опережающая оценка разных вариантов исходов выполнения договоров часто фиксируется в самих договорах, включая защиту от возможного оппортунистического поведения.

Чем масштабнее возможные результаты принимаемых решений, как прямые, так и косвенные, отдаленные в пространстве и времени, тем важнее проведение опережающей их оценки. По-видимому, в "координируемой экономике" именно такая оценка будет преобладать при формировании хозяйственных решений.

Вопрос о методах оценки возможных последствий хозяйственных решений, естественно, связан и с *издержками их принятия*. Они могут быть разделены на индивидуальные и общественные, причем среди индивидуальных можно выделить время (продолжительность) процесса принятия решений, затраты материальных ресурсов в этом процессе и недоиспользование части ресурсов (упущенная выгода).

В условиях традиционного натурального хозяйства время принятия решений в целом диктуется ритмом сельскохозяйственных работ, материальные затраты на принятие решений практически отсутствуют, а величина упущенной выгоды далеко не всегда может быть определена ввиду большой зависимости результатов от изменения внешних условий. Если к тому же учесть, что выполнение многих действий в традиционных обществах диктуется разнообразными правилами, традициями, то есть реальная альтернатива, вариантность решений часто просто отсутствует, оказывается, что сами факты принятия решений из поля зрения самих участников производства как-то выпадают, не осознаются как что-то весьма специфическое²⁴. В качестве реальных издержек принятия решений в натуральном хозяйстве в условиях неопределенности, которые, правда, обнаруживаются только *ex post*, можно назвать недоиспользуемые ресурсы (и их зеркальное отражение - дефицит других благ).

При натуральном типе хозяйствования, строго говоря, согласование решений в рамках общества в целом отсутствует, отдельные носители (например, общины) не обмениваются информацией о своих хозяйственных намерениях, а потому и нет издержек, прямо связанных с их согласованием. Такие издержки могут появляться позднее, в процессе реализации хозяйственных решений. Например, если водой реки последовательно пользуются разные хозяйствующие субъекты, расположенные выше и ниже по ее течению, то ясно, что решения одних могут сильно сказываться на жизни других, делая ее иной раз просто невозможной²⁵.

²⁴ Возможно, именно с неразвитостью этой сферы целесообразной хозяйственной деятельности связаны и известные утопические представления о простоте и дешевизне коллективного принятия решений в "свободных ассоциациях будущего" и как следствие преувеличенные представления о степени расточительности рыночного механизма согласования решений.

²⁵ Хуже другое. Отсутствие согласования решений, вполне естественное при традиционном натуральном хозяйствовании, перерастает в псевдосогласование, в обмен преднамеренной дезинформацией о хозяйственных возможностях и намерениях при попытках выстроить плановое хозяйство в более крупных масштабах, вплоть до целой страны.

Как известно, дезинформация о фактически проделанной работе, приписки в статистической отчетности - это одно из зол административных методов управления экономикой. Однако при этих методах управления в гораздо больших объемах процветает дезинформация в процессе согласования проектов планов всех уровней, дезинформация, не только не наказуемая, но практически не поддающаяся сколько-нибудь полному выявлению (хотя бы потому, что, говоря языком кибернетики, разнообразие регулятора значительно уступает разнообразию регулируемого). Именно на эту проблему натолкнулись в 70-е годы при построении автоматизированных систем плановых расчетов на различных уровнях управления.

"Двойная бухгалтерия", передача "наверх" не той информации, которая пришла "снизу" и используется на своем

В рыночной экономике структура издержек, связанных с принятием и выполнением хозяйственных решений, меняется. Во-первых, период принятия решения - это, естественно, прямой вычет из общего фонда времени труда и, следовательно, из времени непосредственного процесса производства материальных благ. Но экономия времени на принятии решения имеет свою цену - увеличение материальных издержек. Исторически более ранняя форма этого - недоиспользование части ресурсов (либо прямо в виде неполной загруженности производственных мощностей, либо косвенно - в виде нереализованной части произведенной продукции). Этот вид издержек, сопровождающий принятие хозяйственных решений, был типичным на той стадии становления рыночной экономики, когда акты обмена в основном происходили после окончания производства продукции. В последующем, по мере все большего сдвига договорных отношений на этап формирования производственной программы, издержки этого вида дополнились (и отчасти заменились) материальными затратами непосредственно в процессе выработки и согласования хозяйственных решений.

С развитием компьютеризованных систем принятия хозяйственных решений вопрос о мере их централизации, вертикальном и горизонтальном делегировании права их принятия рассматривается как технический, подчиненный критериям экономической целесообразности. Преодоление иллюзий о дешевизне централизованного планирования производства благ и распределения ресурсов по сравнению с расточительностью рыночной стихии, противопоставления разных типов управления (по опережающим или запаздывающим обратным связям) - все это, по-видимому, стало неизбежным только сейчас, на основе и нашего собственного опыта "плановой экономики", и опыта других, развитых в экономическом отношении стран²⁶.

Всегда присутствующая в экономике неопределенность, по-видимому, не позволит полностью изжить натуральные издержки типа недоиспользуемых ресурсов (и дефицитов), однако чем дальше, тем больше они будут отходить на второй план, уступая место затратам времени на принятие и координацию решений и другим затратам, обеспечивающим реализацию этой основной хозяйственной функции субъектов.

В развитой координируемой экономике, по-видимому, ни одно хозяйственное решение не будет рассматриваться как окончательное, не подлежащее пересмотру, корректировке. Конечно, всякий пересмотр решений означает обесценивание части уже произведенных затрат как на его принятие, так и на начало его реализации, их потерю для общества. Но это - неизбежная плата, в частности, за недостаточность информации в момент принятия первоначального решения, неполноту знаний о его возможных последствиях (скажем, из-за недостаточного развития науки), об изменениях внешней среды²⁷.

Естественная классификация характеристик *эффективности хозяйствования*, как представляется, включает: устойчивость получения конечных результатов; уровень использования ресурсов (прежде всего, человеческого фактора); наконец, целесообразность функционирования, понимаемую как подчиненность экономики как части интересам жизни *целого* - общества. Нетрудно заметить, что устойчивость в наибольшей степени актуальна для натурального хозяйства, результативность которого зависит главным образом от внешних, природных факторов. По мере решения этой проблемы (а это происходит, как показывает опыт, в основном с переходом к использованию индустриальных технологий) на первый план выходит уровень использования ресурсов. На смену вопросу: "Как выжить?" приходит вопрос: "Как жить лучше?". Именно этот вопрос, уже предполагающий, хотя бы неявно, сравнение изменений, приростов, "пределов", объяс-

²⁶ Трансакционные издержки, особенно интенсивно исследуемые в последние десятилетия, строго говоря, представляют собой только часть издержек принятия решений, связанную с взаимодействием разных субъектов (отсюда "транс-"). Возможно, термин "издержки принятия (и координации) решений" был бы уместнее как более общий по отношению к собственно трансакционным издержкам и издержкам принятия решений внутри отдельного хозяйства.

²⁷ В связи с этим надо весьма критически относиться к такому вроде бы очевидному принципу,

как доведение до конца всякого начатого дела. Перенос этого, в общем-то, неплохого в домашнем обиходе принципа на уровень общества в целом может быть причиной больших и неоправданных издержек хозяйствования.

няет, по-видимому, неизбежность "маргиналистской революции" на определенном этапе развития экономической теории. Наконец, по мере усиления антропогенного воздействия на природу и возрастания угрозы исчерпания невозобновляемых ресурсов вопрос "как выжить?" снова возвращается в практику хозяйствования, но уже на уровне человеческого рода в целом. Все более важное значение при этом имеют качество координации частных решений, обеспечение их целесообразности (не путать с целесообразностью, которая, по определению, присутствует в каждом решении).

Что касается *присвоения*, то его ключевыми *объектами* являются прежде всего результаты хозяйствования, особенно значимые в традиционном обществе, а также условия их производства и шире - условия жизни людей, обществ, выходящие на первый план в индустриальном обществе (именно этот тип объектов присвоения был, в частности, предметом "выяснения отношений" в мировых войнах XX в.). Кроме того, я бы рискнул добавить в этот список культуру, которая присваивается каждым человеком в процессе воспитания и обучения. Именно она, как мне представляется, становится ключевым объектом присвоения при третьем технологическом стиле. Дело здесь не только в необходимости координировать хозяйственные решения в мировом масштабе, то есть на транскультурной основе. Хотя и проблемы взаимопонимания между представителями разных культур, как показывает практика, не имеют простых решений. Использование постоянно развивающихся информационных продуктов (и шире - знаковых систем, которые отличают именно культуру во всех ее проявлениях от традиционных "благ") эффективно только в том случае, когда образование перестает быть единовременным этапом в начале жизни каждого отдельного человека, а становится "непрерывным" в том смысле, что потребность в нем более или менее регулярно возобновляется на протяжении всей жизни.

Соответственно *характер присвоения* также имеет тенденцию меняться от отчуждения к его отсутствию: от простой утилизации субъектом объектов до распредмечивания смыслов, которые одни субъекты вкладывают в произведения культуры в расчете на то, что другие субъекты постараются их понять и тем самым присвоить. Известно, что наиболее утилитарным характером отличается традиционное хозяйство. Например, атмосферные явления, которыми может восхищаться горожанин, выбравшийся на природу, для крестьянина прежде всего - источник информации, основание для принятия хозяйственных решений. Соответственно наименее обремененным отчуждением людей друг от друга мог бы стать третий технологический стиль, тогда как второй, промежуточный, представляет собой переходную ступень, в которой смешаны утилизация и распредмечивание (пока - при доминирующей роли утилизации).

Поскольку субъектов интересуют прежде всего свои собственные изменения, наиболее общий перечень *интересов субъекта* включает выживание, рост и развитие. Нетрудно заметить, что для традиционного общества и его членов самый насущный интерес - *выживание*. Накопление богатства - это в первую очередь средство увеличения гаран-

тий выживания²⁸. После удовлетворения интереса выживания доминирующим становится интерес *роста* (средств существования, прямых и косвенных благ), наиболее общим отражением которого становится скорость самовозрастания богатства, - процент (символический английский термин: *interest rate*). Показательно также, что в традиционном обществе отношение к проценту в лучшем случае сдержанное, а часто просто враждебное. Только после изменения отношения к этому понятию и перехода его в центр культуры хозяйствования у общества появляется шанс полноценно перейти от первого ко второму технологическому стилю. При этом проблема выживания также остается актуальной для хозяйствующих субъектов, принимая форму угрозы банкротства. По сути, возможные убытки - еще более мощный стимул рационального хозяйствования, чем возможная прибыль (по латыни *stimulus* - палка погонщика, "кнул", а не "пряник"). Наконец, поскольку рост сам по себе чреват нарушением равновесия, была бы логична смена его системой интересов, включающей в

качестве "крайних членов", опорных элементов интерес *развития* (точнее, саморазвития) людей, индивидов и интерес *сохранения* (выживания) человеческого рода в целом.

С типами интересов самым непосредственным образом связаны *типы конкуренции субъектов*. Так, с интересом выживания связана самая жесткая конкуренция: "или-или". Она и сейчас практикуется в некоторых регионах Африки (строго говоря, не только там). "Мы" и "они", "свои" и "чужие" - эти характеристики субъектов всегда свидетельствовали о глубоком отчуждении между ними. Их логичное продолжение - "кто не с нами, тот против нас". Договорные отношения отражают совсем иной тип конкуренции: "мягкой", поскольку предполагает наличие взаимной выгоды сторон, участвующих в соглашениях добровольно. Можно также назвать ее количественной, так как выигрыши сторон могут быть больше или меньше²⁹. Характеристики "мы" и "они" (точнее, "я" и "он" - потенциальный или реальный контрагент) здесь также присутствуют, но место антагонизма занимает способность встать на место другого, чтобы понять его намерения (эмпатия). К этому же имеет прямое отношение принцип, имеющий еще библейское происхождение: "Не делай другим того, чего не хочешь, чтобы другие делали тебе".

Третьему технологическому стилю, по-видимому, будет в большей мере свойствен самый экзотический на сегодня тип конкуренции: субъекта с самим собой, если иметь в виду уровень *индивида*. Смысл ее прост и понятен любому, кто связан с творчеством. Этот процесс, как и любой другой, обладает свойством заканчиваться, что особенно неприятно именно в данном случае: повторить процесс в том же виде нельзя. Сделанное - уже сделано (стихотворение написано, периодическая система

³⁰ Почти абсурдный аналог этого - гонка вооружений, закончившаяся исчезновением одного из ее участников.

²⁹ Правда, не следует смешивать взаимность выгоды и ее равенство. Первое в договорных отношениях необходимо, второе - далеко не всегда реализуемо, поскольку у каждого субъекта - своя "шкала выгоды", полезности, ценности. Поэтому замена "принципа эквивалентности", применявшегося в рамках классической политической экономии, принципом "Парето-эффективности" представляется важным уточнением, сделанным в рамках основного течения экономической теории.

элементов открыта...). Повторение не имеет смысла. Во многом именно поэтому такое большое значение в науке придается приоритету, а в искусстве - авторскому праву. Если же иметь в виду уровень поколений, то здесь "мы" - это живущие сейчас, а "они" - наши потомки (вообще говоря, общие для всех). Конечно, конкуренция между поколениями неизбежна (хотя как раз здесь уместно сказать: "мы с тобой одной крови, ты и я"), если иметь в виду потребление невозобновляемых ресурсов. Но и для этой ситуации уже давно человечеством выработана формула: потребление сверх необходимого - нерационально (причем каждый решает сам для себя вопрос о том, что ему необходимо). Продолжая разговор об *отношениях субъектов хозяйствования и присвоения*³⁰, следует добавить только одно. Для традиционного натурального хозяйства типично чуть ли не полное совмещение монополий хозяйствования и присвоения и на субъектный фактор - труд (L), и на "проистекающий" из него объектный фактор - капитал (K), прежде всего орудия труда. Для индустриального общества типично постепенное расслоение "пучка прав" собственности, включающее последовательное разделение монополии хозяйствования и присвоения на условия и результаты производства³¹. Наконец, для координируемой экономики, по-видимому, типичными станут отношения между реально существующим поколением людей как обобщенным хозяйствующим субъектом и человеческим родом в целом, включая другие поколения людей, особенно еще не существующие, как обобщенным субъектом присвоения.

* * *

По-видимому, можно было бы продолжить "путешествие" по научным категориям, применяемым для исследования экономических систем прошлого и настоящего. Но это не изменит напрашивающегося вывода: в "периодической системе", охватывающей прошлое, настоящее и будущее (если под настоящим иметь в виду индустриальное общество), в позициях, относящихся к будущему, уже сейчас больше заполненных позиций, чем пустых (см. Приложение). Причем прежде всего практический опыт именно XX века (и теоретические разработки его конца) сделали возможным само создание такой "системы элементов хозяйствования". Причем нужна она не для очередного "конструирования" будущего, а для лучшего понимания настоящего на уровне как человечества в целом, так и нашей страны в особенности.

³¹ Гребнев Л. "Собственность и хозяйствование": комментарии к новому образовательному стандарту. - Вопросы экономики, 2001, № 3.

³ Сначала произошло разделение прав пользования и распоряжения на землю, затем, после появления частной собственности на землю, произошло "взаимное освобождение земли и труда" друг от друга и вместе с ним приняло устойчивый характер разделение прав пользования и распоряжения на рабочую силу и, наконец, с появлением акционерной формы произошло разделение прав пользования и распоряжения на капитал. Точности ради следует отметить, что обыкновенная акция остается формой соединения собственности (поскольку ее можно продать) и хозяйствования (поскольку ею можно голосовать).

